

Мы часто слышим слова «фашист» и «антифашист», смотрим художественные фильмы и хронику, находим на полках книжных магазинов множество книг о Второй мировой войне. Однако «фашистами» называют самых разных людей и сегодня, причем по самым разным поводам. Совсем не так давно словосочетание «красно-коричневый» употреблялось в нашей прессе применительно к коммунистам, а те рассуждали о «политике геноцида», проводимой «фашистской кликой Ельцина». Одни американские интеллектуалы именовали «фашистом» Саддама Хусейна, другие — Дж. Буша-младшего. Шайка белых хулиганов, нападающая на человека иной расы, именуется «фашистами», но если это шайка чернокожих хулиганов, избивающая белого, то это слово никто не употребляет. На Западе «антифашистами» себя гордо называют левачи, устраивающие схватки с полицией вполне демократических государств чаще всего без всякого повода. В художественных фильмах о Второй мировой войне мы обнаруживаем карикатурные образы тупых

солдафонов, руководимых людьми с лицами уголовников-рецидивистов, и если примем эти картинки всерьез, то должны были бы удивляться тому, что с этой армией так трудно было справиться странам, располагавшим огромным преимуществом в живой силе, числе производимых танков, самолетов и орудий. Хватает и фильмов, в которых фашизм сводится к психопатологии либо вождей, либо их сторонников. Среди таких фильмов встречаются и талантливые (начиная с «Гибели богов» Витторио де Сика), и бездарные (таких всегда значительно больше). Но куда правдивее подобных «разоблачений» фильмы, показывающие повседневность Германии и Италии. Вот «Амаркорд» Феллини, в котором изображен самый распространенный метод «перевоспитания» подозреваемых в инакомыслии — не бьют, не пытаются, но принуждают пить касторовое масло; вот «Кабаре», где мы видим сценку в придорожной пивной — наберите в youtube.com слова: Tomorrow belongs to me, посмотрите, и вы лучше поймете причины прихода нацистов к власти...

В хронике мы обнаруживаем выдержки из речей Гитлера и Муссолини, факельные шествия, парады. Сохранились пропагандистские фильмы, вроде знаменитого «Триумфа воли». Сами по себе кадры хроники еще ничего не говорят, да и произносимые Муссолини и Гитлером речи мало что нам скажут. Сколько раз на протяжении 1930-х гг. Гитлер говорил, что желает мира и только мира! Конечно, в глаза бросается театральность политического действия, актерство (даже позерство в случае Муссолини), но на сегодняшней политической сцене хватает хороших и плохих актеров. Слово «демагог» родилось еще в античности...

Наконец, мы листаем книги, составленные на полках книжных магазинов. Огромное количество мемуаров участников войны, хвалебных воспоминаний генералов, книг о танковых сражениях и подводной войне и т.п. Особняком стоят произведения тех, кто сводит фашизм к оккультным практикам, поискам Шамбалы, связям с некими астральными силами. Листая их, понимаешь, что со времен публикации «Утра волшебников» Поуэля и Бержье полвека назад на этом рынке мало что изменилось, спрос на вздор рождает предложение...

Особенностью массовой культуры является то, что она прежде всего развлекает читателя и зрителя. В этом нет ничего дурного — после трудов праведных один читает детектив, другой смотрит костюмированный исторический фильм, третий идет на футбольный матч. Но для понимания прошлого нужно обращаться к куда более серьезным источникам. К ним относятся и мемуары участников войны, но историк смотрит на них критически, не принимая на веру рассказ, в котором очень многое опущено или искажено. Есть очень информативные записи наблюдателей (скажем, переведенные недавно дневники американского журналиста У. Ширера), есть серьезные книги историков и философов, есть тексты, которые написаны вождями фашистских движений, — «Моя борьба» Гитлера и «Доктрина фашизма» Муссолини с легкостью обнаруживаются в Интернете.

Историки написали о фашизме огромное число работ, время от времени вспыхивают бурные дискуссии. Фашизм принадлежит сравнительно недавнему прошлому, пока еще живы люди, которые сохранили память о происходившем в 30–40-е гг. прошлого века. Память не только о войне, концлагерях, треске политической пропаганды, но и о повседневной жизни в фашистской Италии и нацистской Германии. Тем не менее фашизм уже принадлежит истории. Это относится не только к политическим режимам, но также к партиям, к влиятельным идеологическим течениям. К некоторым популистским правым движениям вполне уместно употребление термина «неофашизм», но и они оттолкнули бы своих избирателей, если бы пропагандировали те идеи, которые имели хождение в начале XX века.

Понятие «фашизм» мы получаем в результате абстрагирования, отвлечения от особенностей многообразных политических движений и идеологических доктрин в разных странах. Точно так же мы используем слова «либерализм» и «социализм», подразумевая множество способов воплощения либеральных и социалистических принципов в разных обстоятельствах.

Мир политики есть мир коллективных действий в соответствии с некоторыми планами и программами. Исходно фашизм представляет собой политическое движение, располагающее идеологией, т.е. совокупностью идей, установок, проектов преобразования общества.

В крупных европейских странах, Италии и Германии, эти движения сумели достичь господства, в других странах эти движения были слабыми и не сумели прийти к власти.

Наконец, некоторые авторитарные политические режимы (в Португалии, Испании, Аргентине, Австрии) были на практике близки фашизму, но все же существенно отличались от режимов Муссолини и Гитлера.

Идеология фашизма бедна по содержанию, ее творцы не были крупными мыслителями, это — люди действия. Конечно, в рядах фашистских партий состояли крупные мыслители — Дж. Джентиле в Италии, М. Хайдеггер, К. Шмитт, А. Гелен в Германии, — но не они создавали эту идеологию (хотя Джентиле помогал Муссолини писать «Доктрину фашизма»). Так как фашистские движения и режимы были «вождистскими», то значительным было воздействие идейных пристрастий Муссолини и Гитлера. Между ними имелись немалые различия. Муссолини начинал свою деятельность как левый социалист, был успешным журналистом и редактором главного печатного органа итальянских социалистов; Гитлер был недоучившимся художником. Оба будущих диктатора много читали, но ни тот, ни другой не были мыслителями, а к научным трактатам они испытывали равнодушие или даже пренебрежение. Они мнили себя художниками. Не научное знание, а интуиция гения, творца — вот что открывает пути постижения и преобразования мира. Модные в то время идеи философского антиинтеллектуализма («философии жизни», прагматизма) были впитаны будущими диктаторами еще в юности. Круг представлений Муссолини был шире. Он был образованным марксистом, читал по-французски революционного синдикалиста Сореля и основоположника социальной психологии Ле Бона, на него немалое влияние оказали идеи итальянского социолога и экономиста Парето. Гитлер куда больше читал второсортных авторов из немецких и австрийских *voelkische* с их набором фантазий о «нордической расе». Но с философскими трудами Шопенгауэра и Ницше он тоже познакомился (в его солдат-

Аллегория Партии.
Скульптор Арно Брекер

ском ранце во время Первой мировой войны был том Шопенгауэра). Как и на множество других образованных европейцев, на обоих огромное влияние оказали сочинения Ницше, прежде всего того тома набросков, который получил название «Воля к власти». Если говорить о «философии фашизма», то она лучше всего выражена в четвертой книге этой работы¹. К учению о «воле к власти» легко прибавлялись рассуждения многочисленных представителей социал-дарвинизма той эпохи. Вся жизнь есть борьба, выживают сильнейшие — индивиды, группы, нации. В экономике это означает господство частной собственности, конкуренцию производителей, селекцию активных и способных — к коммунистическому обобществлению частной собственности фашисты относились отрицательно. Государство должно вмешиваться лишь в том отношении, что оно жестко регулирует правила конкуренции, препятствует использованию капитала против национальных интересов.

Все народы неизбежно сталкиваются в борьбе, война есть даже желанное, улучшающее породу, следствие борьбы за господство. Пацифистов оба

¹ *Zucht und Zuechtung*. В дореволюционном издании, которое не раз перепечатывалось в последние годы, этот раздел отсутствует (по цензурным соображениям он был тогда опущен). Вопрос о том, насколько правомерно считать «Волю к власти» сочинением самого Ницше, уже полвека обсуждается историками философии. В данном контексте это не столь важно — именно эту книгу читали сотни тысяч людей, она послужила формированию фашистской идеологии. То, что философия Ницше куда сложнее подобного идеологического прочтения, не вызывает сомнений уже по той причине, что имелись и другие, «левые» прочтения Ницше. Они существуют и поныне — философию Фуко или Делёза можно назвать «неоницшеанством».

В начале было слово. Художник Отто Хойер, 1937 г.

отправившихся на фронт добровольцами диктатора ненавидели (придя к власти, они их сразу стали преследовать). Война необходима и потому, что народам на Земле тесно, они стремятся захватывать новые территории для растущего населения. Рождаемость до Первой мировой войны в большинстве стран Европы была еще очень высокой — в экспансии видели решение демографической проблемы.

Для Муссолини идеал был в давнем прошлом, итальянцы должны были вспомнить, что они наследники Римской империи. Гитлер и многие лица в его окружении (скажем, главный идеолог нацизма, Розенберг) видели образцы в Британской империи, нередко ссылались на таких английских деятелей, как Сесил Родс¹.

Национализм был в XIX столетии идеологией либералов и демократов, противостоявших монархиям и условиям «старого порядка». Интернационалистами на то время вооб-

ще были только социал-демократы и анархисты, тогда как социалисты немарксистского толка к концу века стали переходить на позиции крайнего шовинизма. Фашизм унаследовал этот национализм либералов и социалистов, дополнив его расизмом. Разумеется, расизм был в то время широко распространен, на индусов, арабов, китайцев колонизаторы смотрели как на существ «второго сорта», а британские ученые мужи из Королевского общества еще в 1930-е гг. отправляли научные экспедиции в Африку на поиски племен, занимающих промежуточное положение между шимпанзе и негром. Национальные конфликты между европейскими государствами уже истолковывались как расовая борьба: кайзер Вильгельм во время войны не раз высказывался в том духе, что война между Германией, с одной стороны, Россией и Сербией — с другой, есть «расовая война германства и славянства». Этих воззрений уже тогда придерживались влиятельные круги Германии (скажем, идеологи могущественного «Всенемецкого сою-

за», представлявшего интересы большей части немецкой буржуазии). Фашизм унаследовал эти идеи, дополнив их не только яростным антисемитизмом, но также трактовкой самой немецкой нации как высшей «нордической расы»². Опыт Первой мировой войны подтолкнул часть левых на империалистические позиции (таков опыт Муссолини), а часть крайне правых научил тому, что классовая борьба внутри страны препятствует победам на фронте (опыт Гитлера и всей верхушки нацизма). Нация должна быть организована как армия, каждый трудится и сражается на своем месте — только тогда она становится непобедимой. Это идеальное сообщество (община, *Gemeinschaft*) должна оставить в прошлом классовую вражду и партийную склоку. Фашизм предстает как «средний путь» между социализмом и либерализмом: отношения между предпринимателями и профсоюзами должны контролироваться государством. Государство есть тотальность — слово «тоталитаризм» было введено итальянским фашизмом. Единство государства возможно при безусловном единоначии, подобном тому, которое существует в армии. Вся нация обязана готовиться к борьбе за жизненное пространство, к череде войн за мировое господство.

Эта идеология не была изобретена Гитлером и Муссолини, она передавала опыт огромного числа офицеров и солдат времен Первой мировой войны. Одеты в серые шинели выходцы из средних слоев — городской и сельской мелкой буржуазии, учителей и юристов, отправившихся на фронт гимназистов и студентов — приобрели опыт «фронтového братства». В окопах под снарядами противника не было классовых различий, была реальность борьбы за свой народ.

Шовинистическая пропаганда времен войны наложила на и без того присущий мелкой буржуазии национализм. Фашистское движение в Италии создает фронтовики, кото-

¹ В переведенной недавно книге М. Саркисянца содержится множество примеров влияния идей британского империализма на германский нацизм.

² В итальянском фашизме этот мотив был выражен значительно слабее. Муссолини даже высмеивал идею «нордической расы» (скажем, в своем интервью газете «Фигаро» в 1934 г.). Тем не менее идея «расы господ» присуща всем фашистам — отличие итальянских и испанских от немецких заключалось в том, что идея «расы господ» понималась не столь биологизаторски, как это происходило в Германии.

рые в 1920–1921 гг. создают *Fasci*, т.е. временные союзы, ассоциации¹, которые начинают «наводить порядок» в условиях, когда слабой и безвольной либеральной элите стало угрожать социалистическое движение. В этом смысле фашизм был контрреволюционным движением, его первоначальной целью было противостояние социалистической революции, недопущение большевизма с его классовой войной в Италию. Те же идеи вдохновляли немецких нацистов — в Германии в 1919–1923 гг. восстания и путчи следовали одни за другим, по существу, уже начиналась гражданская война. Поход на Рим удался Муссолини в 1922 г., аналогичный поход на Берлин Гитлера был пресечен Мюнхене в 1923 г., и он пришел к власти лишь через 10 лет. Воевавшие несколько лет люди привыкли расправляться с врагами с помощью оружия; они вернулись из окопов в условиях начинающейся гражданской войны. Своих врагов они видели, прежде всего, в социалистах и коммунистах, тех «предателях», которые мешали победам на фронте, разлагая своей пропагандой тыл. Все правые в Германии верили в миф об «ударе ножом в спину», нанесенный победоносной немецкой армии левыми и евреями (*Dolchstoßlegende*). «Если враг сдастся, то его уничтожают» — эти слова были произнесены в СССР, но они выражают дух времени, эпохи европейской гражданской войны.

Как и в Италии, ядро нацистской партии состояло из фронтовиков, тогда как массовую поддержку она получала со стороны средних классов. Вряд ли есть смысл повторять пропагандистский штамп о «лавочниках». Фашисты в обеих странах увлекли прежде всего молодежь, студенчество — в Германии на 1930 г. нацисты победили на свободных выборах во всех студенческих ассоциациях (за исключением католического союза студентов). Из всех профессиональных групп Германии самый высокий процент лиц, ставших членами НСДАП и штурмовиками, был среди немецких врачей, людей «самой гуманной профессии»...

Гитлер и Муссолини. Нюрнберг, 1940 г.

Фашизм был не только контрреволюционным, но и революционным движением средних слоев. Он унаследовал целый ряд черт от прошлых революций «третьего сословия», начиная с якобинцев. Хотя он получал поддержку от промышленников, видевших в фашистах союзника в борьбе с коммунистами, фашистское движение не было просто орудием, «террористической диктатурой крупного капитала», каковым оно представляло в трактовке марксистов. Мы привыкли называть «революционными» только те движения, которые соответствуют устремлениям «левых», служат «прогрессу», согласно их представлениям. Если в фашизме видеть только насильственное устранение марксизма и либерализма, то он предстает как «реакция» и «контрреволюция». Но историк не должен занимать предзаданную идеологическую позицию. Если приход партии к власти сопровождается радикальной сменой всей внутренней политики, отеснением (а отчасти и уничтожением) прежней элиты, то мы имеем дело с революцией. Сами современники в Италии 1922–1925 гг. и в Германии 1933–1934 гг. воспринимали происходящее именно как революцию. В фашизме на 1930-й год многие видели лекарство от болезней, порожденных либеральной буржуазной ци-

вильзацией, равно как и от классовой войны, породившей коммунистический режим. Не обязательно разделять либеральные и социалистические мифы, чтобы решительно отвергать фашизм. Лекарство оказалось куда вреднее, чем само заболевание, оно несло только смерть и разрушение.

Придя к власти, фашисты не только запретили все прочие партии и независимые профсоюзы, стали сажать в тюрьмы политических противников. Это делали многие авторитарные режимы прошлого и настоящего. Почти вся Европа 1930-х годов находилась под властью такого рода режимов, противостоявших, прежде всего, коммунистическому движению. Однако в Италии и в Германии такое противостояние было лишь одной из задач, к тому же очень быстро достигнутых сразу после захвата власти. Консервативные и даже реакционные режимы были верны традициям, опирались на авторитет церкви, всячески стремились к деполитизации масс, тогда как фашизм эти массы политизировал, был, по существу, антихристианским движением², отвергал немалую часть европейской традиции (не только принципы 1789 г., но и гуманизм Возрождения и Просвещения). Он не имел ни малейшего почтения к прежней аристократии, монархии,

¹ «Фасциями» в Древнем Риме назывались пучки хвороста вокруг топорика ликтора. В фашистской Италии такие топорыки сделались государственным символом.

² Хотя прямых гонений на церковь и не было — по тактическим причинам.

ИДЕОЛОГИИ

церкви. Собственно говоря, окончательная утрата всякой власти итальянским и немецким дворянством происходит во времена фашистских режимов.

Фашизм создавал свою собственную элиту из всех слоев нации. Отличие от любых контрреволюционных сил той эпохи хорошо заметно уже по тому, что никакие консерваторы или монархисты не желали преобразовать самого индивида, не ставили перед собой задачу создания «нового человека», а именно это считали своим важнейшим делом фашисты.

Это хорошо видели многие консервативные критики фашизма, писавшие о «новом цезаризме», «восстании масс», «революции нигилизма» или даже «диктатуре сволочи» (по словам русского монархиста Солоневича). Вожди фашизма желали «перевоспитать» всю нацию, заменить христианскую этику на мораль «сверхчеловека». Командовать может лишь тот, кто умеет подчиняться, а потому военная дисциплина прививалась с детских лет всему народу. Все общественные организации ставились под контроль партии.

Слово «тоталитаризм» верно передает эти устремления фашистов и нацистов. Этим термином злоупотребляли в годы «холодной войны»: итальянский фашизм, германский нацизм и сталинизм объявлялись разновидностями одного и того же «тоталитаризма», сущностью которого были отвержение парламентской демократии, однопартийный режим с культом вождя. Сходства в применяемых средствах между этими режимами, конечно, имеются, но цели были разными. В изначальном смысле слова, «тоталитарной» была только идеология итальянского фашизма, поскольку им провозглашалось верховенство «тотального» государства.

В СССР государство считалось временным орудием на пути построения коммунистического общества; в нацистской Германии государство было орудием «нордической расы». Удобный для пропагандистских целей термин, однако, препятствует работе историка, имеющего дело с конкретными институтами и обществами, а не с голыми абстракциями. При всех отличиях между итальянским фашизмом и германским национал-социализмом их сходство столь велико, что позволяет говорить о «фашистских режимах» в межвоенный период. Они не случайно стали союзниками и не случайно видели своего главного врага в советском режиме. Это вовсе не означает обеления той тирании, которая получила наименование «сталинизм», или вообще симпатий к коммунистической идеологии. Не стоит путать занятия историка и работу агитатора, для которого «фашистом» и «тоталитаристом» становятся то Милошевич в Сербии, то Саддам Хусейн в Ираке, то Лукашенко в Белоруссии.

Многие действия фашистских режимов становятся понятными, только если мы имеем в виду указанную выше цель — создания новой элиты, «расы господ». Эти режимы были эффективными не только в подавлении политических противников. Италия при Муссолини быстро развивалась, она легче остальных капиталистических стран справлялась с последствиями экономического кризиса 1929 г. Гитлер пришел к власти, когда в Германии было 6,5 миллиона безработных, а к 1936 г. их осталось полмиллиона. Не стоит обращать внимания на расхожий пропагандистский штамп, согласно которому безработные стали производить пушки и танки, а автомагистрали строились для передвижения войск. Подготовка к войне началась с 1937 года, тогда как автобаны военным целям почти не служили. Проводившаяся отличным финансистом Я. Шахтом экономическая программа многими чертами напоминает аналогичные меры борьбы с безработицей в тогдашних США

в соответствии с близкими Кейнсу представлениями об экономике.

Хотя в риторике фашистов и особенно нацистов звучало много слов о возвращении к «почве», превозносились сельские труды, на деле эти режимы очень много сделали для модернизации итальянского и немецкого общества. Они осуществляли многие положения программ социал-демократов, распространяя блага цивилизации на «четвертое сословие».

Увеличение срока оплаченных отпусков, дома отдыха и санатории для рабочих, медобслуживание на каждом крупном предприятии, спорт и туризм для «маленького человека» (программы Dopolavoro, KdF), жесткие гигиенические требования к условиям труда, обязывающие трагиться на них предпринимателей, — все это относилось не к пропагандистским акциям. Спорт для всей молодежи вообще был *idée fixe* фашистов. Германия с большим отрывом от США по числу медалей выиграла олимпийские игры 1936 г. Всяческую поддержку получали многодетные семьи, крепкая семья считалась оплотом нации. Преступность была практически искоренена, Муссолини справился с сицилийской мафией. Даже поездка стали ходить в Италию по расписанию...

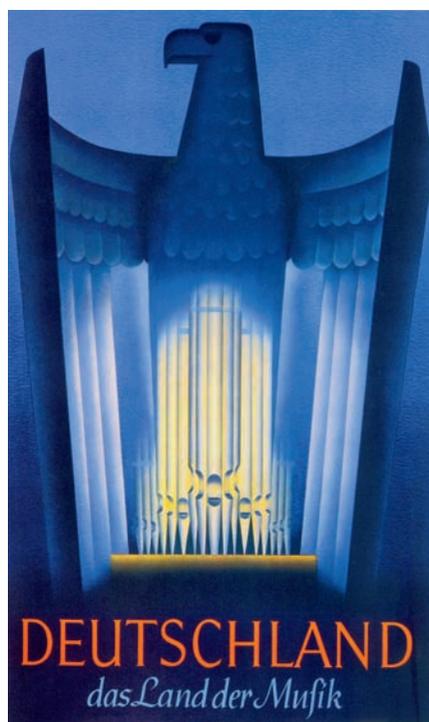
Некоторые историки пишут о том, что в более развитой Германии именно в 30-е гг. появляется «социальное рыночное хозяйство», разновидность *welfare state*. Огосударствление экономики было ничуть не большим, чем в современной Германии, и меньшим, чем во Франции при де Голле — даже во время войны Германия не пошла по пути тотальной мобилизации экономики. Планирование экономики не было директивным вплоть до середины войны. Контроль над прессой и радио был жестким, но литература и искусство почти не контролировались в Италии, а в Германии этот контроль касался небольшого числа тем и авторов¹. «Молчаливое большинство» в этих странах совсем не ощущало себя хоть сколько-нибудь ущемленным в правах. Жизнь была политизированной, но сама политика

¹ Если в Германии из-за личных художественных вкусов Гитлера под запретом оказался авангардизм (который поначалу получал поддержку от Геббельса), то в Италии авангардизм приветствовался и поддерживался — некоторые виднейшие деятели режима были футуристами (Боттаи и др.).

приобрела видимость театрального действия, в которое вовлекались массы.

Все это остается в памяти итальянцев и немцев, которые ходили в школу в 1930-е гг. Непрестанные публичные покаяния немецких политиков связаны именно с тем, что на протяжении всех послевоенных десятилетий немецкий обыватель вспоминал (если не вслух, то про себя), что его семье и окружающим было вполне неплохо. В отличие от сталинского режима, фашистские правители не прибегали к репрессиям по отношению к целым классам. Они, без сомнения, желали блага своим народам, в которых видели будущую «расу господ». Именно поэтому они проявляли такую заботу о здоровье, гигиене, крепости семьи и т.п. Только не следует забывать о том, что происходило с теми, кто не соответствовал их представлениям об «избранном народе», или инакомыслящими. Это хорошо видно уже по тому, что стало происходить в довоенное время: кастрация, а затем уничтожение душевнобольных, концлагеря и тюрьмы, где «перевоспитывались» политические противники, расовые законы против евреев и т.п. Во время войны начинается практика массового истребления по расовым и идеологическим критериям.

Нам нужно помнить о том, что вся внутренняя политика фашистских режимов определялась внешнеполитическими целями. К ним относилось создание империи, которой должны править новые господа. Сотня миллионов «арийцев» должна была управлять тогдашними двумя миллиардами «недочеловеков». К последним были отнесены все славянские народы, согласно плану «Ост» уже в первые годы на захваченных территориях Белоруссии, Украины, России должно было умереть 30–35 миллионов славян, дабы освободилось место для немецких поселений. Эта практика последовательно проводилась на оккупированных землях. Будущих рабов не нужно лечить, им не требуется образование, а потому целенаправленно уничтожались медицинские и просветительские учреждения. В Польше планомерно истреблялась интеллигенция, в СССР — «комиссары», к которым причислялись лица самых разных профессий. В «Застольных речах» Гитлера есть примечательное место. Кто-то сказал ему, что волокна из

Германия — страна музыки.
Плакат Лотара Хайнемана, около 1935 г.

крапивы очень прочны и удобны для ткацкого производства. Вождь тут же произнес речь о том, какой он видит Украину, территория которой будет представлять собой заросли крапивы, которую будут заготавливать сохраненные аборигены для немецких фермеров и немецких фабрик. Об этих фантазиях следовало бы помнить тем украинским политикам, которые возвеличивают сотрудничавших с нацистами «борцов с коммунизмом».

Фашистские режимы пали в результате войны, подобные им режимы вряд ли возникнут в Европе. Не только в силу коллективной памяти европейцев, но и потому, что эти режимы принадлежат истории. Не существует некоего «фашизма вообще», нет платоновской идеи «фашизма», которая способна время от времени воплощаться в действительности.

Фашистские движения возникли в результате Первой мировой войны, фашистская идеология содержит в себе целый ряд идей, разделявшихся значительным числом интеллек-

туалов конца XIX — начала XX века. Сегодня никто не начнет применять евгенику так, как это делали не только в нацистской Германии, но также во многих штатах США и в управляемой социал-демократами Швеции; о власти «расы господ» сегодня мечтают только маргиналы. В 1935 г. нацисты не без оснований говорили, что направленные против евреев законы они во многом списали с законов южных штатов США, ограничивающих права негров. Полвека назад исчезли колониальные империи, а вместе с тем и миф о «миссии европейца», воспетой Кипплингом как «бремя белого человека». Рухнули и европейские коммунистические режимы, а борьба с коммунизмом была не только лозунгом фашистов, но и причиной их поддержки средними слоями.

В сегодняшнем мире существует немало националистических движений, диктатур, ограничивающих права и свободы, но их нет нужды называть «фашистскими», они просто «не дотягивают» до фашизма в своих амбициях. И без фашизма наш мир не является «наилучшим из возможных миров», но любителям «альтернативной истории» стоит представлять себе, каким бы он стал в случае победы фашизма. В вышедшем из канцелярии Гимmlера документе этот мир описывается как некое подобие античных полисов: одна десятая часть — полноправные и свободные граждане, господа; примерно 20% «метек», т.е. лично свободных, но неполноправных; все остальные — бесправные рабы, «недочеловеки», «говорящие орудия», скоты. Таков был именно фашистский идеал, для исполнения которого была вышколена и без того дисциплинированная нация. Наши отцы и деды остановили великолепно подготовленную и хорошо организованную армию тех, кто нес и славянам, и большинству народов Земли именно такое будущее.

á